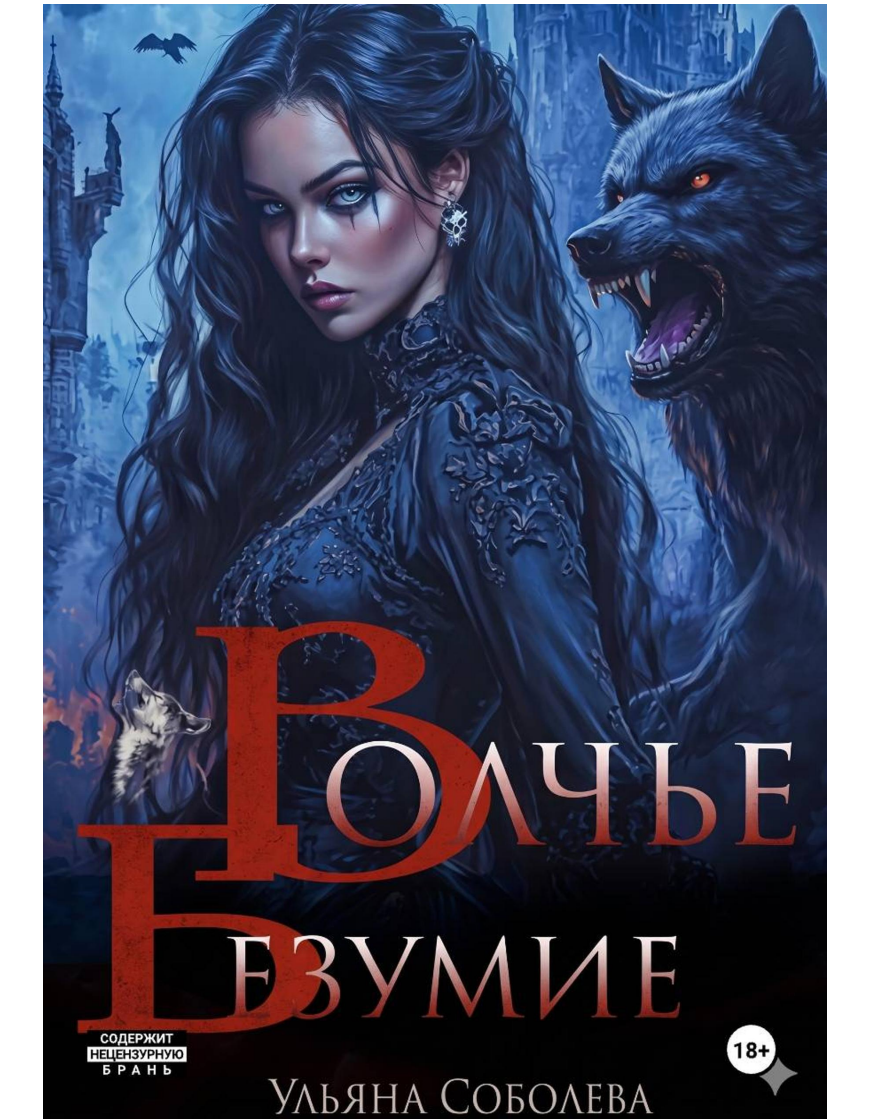

Волче безумие

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

Сага о волках 5. Волчье безумие

<https://litres.ru/73909458>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мрачном и беспощадном мире, куда попадает Лана, любовь и надежда становятся роскошью, недоступной обычным смертным. Оказавшись в плену у Высших, она превращается в бесправную игрушку, развлечение для рабов, чьи судьбы не имеют значения перед лицом своих повелителей. В этом мире, где каждый день – это борьба за выживание, Лана находит того, кто для нее дороже собственной жизни, её Вахида. Но встреча становится разрушительным откровением – перед ней больше не тот мужчина, которого она любила. Изменённый жестоким миром, Вахид превратился в жуткого зверя, беспощадного и опасного. Ион ее не узнал. Кто он теперь?

Содержание

Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	49
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ульяна Соболева

Сага о волках 5.

Волчье безумие

ВОЛЧЬЕ БЕЗУМИЕ

Книга 5

Ульяна Соболева

Аннотация:

В мрачном и беспощадном мире, куда попадает Лана, любовь и надежда становятся роскошью, недоступной обычным смертным. Оказавшись в плену у Высших, она превращается в бесправную игрушку, развлечение для рабов, чьи судьбы не имеют значения перед лицом своих повелителей. В этом мире, где каждый день – это борьба за выживание, Лана находит того, кто для нее дороже собственной жизни, её Вахида. Но встреча становится разрушительным откровением – перед ней больше не тот мужчина, которого она любила. Изменённый жестоким миром, Вахид превратился в жуткого зверя, беспощадного и опасного. И...он ее не узнал. Кто он теперь?

Глава 1

Когда черная машина, подобная склепу на колёсах, остановилась, я ощутила, как в последний раз касаются меня лучи умирающего света. Воздух был пропитан запахом забвения, а под ногами шуршали выжженные пески, словно пепел из прошлых жизней тех, кто остался здесь навсегда. Я вышла на безжизненную землю, где каждый шаг напоминал о том, что надежда здесь умерла задолго до моего прихода.

Вокруг меня тянулись обнажённые скелеты деревьев, возвышающиеся в своём вечном молчании. Их ветви, подобно костлявым пальцам, тянулись к серому, беспощадному небу, будто пытаясь в последний раз попросить о милосердии. Но милосердие было чуждо этому месту, где даже ветер казался лишь потерявшимся призраком, заблудившимся среди забытых душ.

Кружащие надо мной вороны орали мрачным хором, их карканье заполняло пространство, словно ноты погребального гимна. Они были единственными свидетелями моего прибытия, хранителями тайн этого места, где жизнь казалась лишь далёким воспоминанием. С каждым шагом я всё глубже погружалась в атмосферу отчаяния, которая витала в воздухе. Место рассортировки "живого товара", куда меня привезли, было лишено всякой живости — здесь царила лишь смерть и разрушение. Я стояла на пороге преисподней, где каждый из нас, попавших сюда, лишался своей судьбы, становясь не более чем тенью, размытой в бездне забвения. Я не знала, что меня ждёт дальше, но чувствовала, что этот

путь будет тяжелым испытанием, возможно, самым тяжелым в моей жизни. В этой безнадёжности, среди выжженных песков и мёртвых деревьев, я должна была найти в себе силы столкнуться лицом к лицу с моим предназначением.

Оглядываясь вокруг, я вижу, что не одинока. Вокруг меня – лица, израненные судьбой, глаза, полные отчаяния и боли. Каждый из нас стал частью этого мрачного рынка душ и тел, и каждая душа здесь имеет свою историю.

Среди "товара" я замечаю молодого парня, чьи глаза еще хранят искру бунтарства. Он говорит, что попал сюда за то, что восстал против несправедливости в своем мире, убил себе подобных. Слова о свободе и сопротивлении звучат из его уст, но здесь они кажутся лишь эхом прошлого. Здесь о свободе нельзя даже мечтать. Слишком пусты были бы эти мечты.

Рядом со мной стоит женщина средних лет, в ее глазах – глубина пережитого горя. Она рассказывает мне о своей семье, которую она потеряла в один роковой день, она влезла в долги, начала употреблять красный порошок, а потом убила своего поставщика. В попытке найти путь к выживанию она оказалась здесь, в ловушке, из которой нет выхода. Потому что ее схватили и приговорили.

Неподалеку стоит девушка, чья красота даже в этих условиях сверкает очень ярко. Она была выдана замуж за человека, которого никогда не любила, и когда она попыталась

бежать от навязанной судьбы, ее поймали...она убила мужа который ее бил и насиловал. Клан серых ликанов, неизвестный мне. Ее глаза полны молчаливого обвинения миру, который разбил ее мечты.

Среди нас есть и старик, его лицо исписано морщинами, каждая из которых – свидетельство прожитых лет и потерь. Он шепчет о своем сыне, которого он пытался защитить, но вместо этого сам оказался в этой бездне. Старик ведьмак, нарушил законы и промышлял черной магией...создавал красный порошок, чтобы продать и выкупить своего сына у жестокого хозяина вампира, который использовал мальчишку и сделал своей секс-игрушкой.

Стоя вместе с ними, я понимаю, что каждый из нас несет свою историю боли и потерь. Но в этом месте, где даже надежда кажется чем-то недостижимым, наши истории стираются, превращая нас в лишь очередные номера в каталоге "живого товара". Мы все здесь, в этой пустыне забвения, стали частью торговли душами, и каждый из нас ищет способ вырваться из этих оков, мечтая лишь о том, чтобы снова стать свободными.

Процесс рассортировки начался неожиданно и без предупреждения. Жесткие руки схватили меня и протолкнули вперед, где ждали другие, такие же запуганные и растерянные, как и я. Вокруг царила хаотичная суеда, наполненная криками и стонами, а в воздухе витал запах страха и отчаяния. Первым этапом был осмотр. Грубые, безжизненные гла-

за надсмотрщиков скользили по каждому из нас, оценивая состояние кожи, волос, зубов – словно мы были не людьми, а скотом на рынке. Я постаралась скрыть свое возмущение и страх, но чувствовала, как каждый взгляд, каждое прикосновение лишали меня человеческого достоинства.

Затем последовало взвешивание. Мы становились на большие, холодные весы, где цифры на экране решали нашу судьбу в этом мрачном месте. В моем уме всплыли воспоминания о детстве, когда весы были лишь игрушкой, а сейчас они определяли мою ценность как "товара".

После этого было измерение роста и других физических параметров. Каждое движение, каждый замер добавляли новую грань унижения в это испытание. Я ощущала себя лишенной любых прав, превращенной в объект для измерений и оценок. Как кусок мяса.

На последнем этапе нам выдали номера – метки, которые теперь определяли наше существование в этом мире. Мое тело, мой ум, моя душа – всё было сводимо к цифрам и записям в чьих-то планшетах. Стоя в очереди, ожидая следующего этапа своей судьбы, я ощущала, как от меня как теряю остатки прошлой жизни. Я была лишь тенью самой себя, превращенной в безликую часть темного механизма этого мира. Но в глубине души я крепко держалась за свою волю и решимость найти выход, вспоминая о том, кто я на самом деле и почему я здесь.

После того как последний этап унижительного осмотра был завершен, одна из надсмотрщиц с безразличным лицом указала мне следовать за ней. Я поняла, что меня переводят в первую шеренгу. Возможно, это означало, что в их глазах я представляла какую-то ценность. Слово "товар" отзывалось в моей голове неприятным эхом. Мне было непросто принять мысль о том, что теперь я – лишь единица в мрачной статистике этого бездушного места. Шагая по измученной земле к месту, где собирались "лучшие" из нас, я ощущала смесь страха и решимости. Страх перед неизвестным будущим, перед тем, какие испытания меня ждут дальше. Но в то же время, во мне росла решимость сохранить себя, свою личность, несмотря на все, что было и что еще будет.

С каждым шагом к первой шеренге во мне укреплялась мысль о том, что я не должна позволить этому месту сломать меня. Мои воспоминания о прошлой жизни, о любви и надежде, стали светом в этой тьме, напоминанием о том, что я борюсь не только за свое физическое выживание. Когда я заняла свое место среди других в первой шеренге, я посмотрела на их лица. Некоторые из них были наполнены страхом, другие – решимостью, подобной моей. В их глазах я видела отражение своих собственных чувств – смесь ужаса перед предстоящим и непоколебимого желания бороться до конца, вне зависимости от обстоятельств.

В этот момент, стоя в первой шеренге, я поняла, что,

несмотря на всю безнадежность нашего положения, в каждом из нас живет искра, способная противостоять темноте. И я, Лана, должна была не только сохранить эту искру в себе, но и помочь ей разгореться с новой силой. Стоя в первой шеренге, я впервые по-настоящему обратила внимание на надсмотрщиц, женщин в черной одежде, которые словно тени скользили между рядами. Их движения были точны и безжизненны, словно они были частью какого-то сложного и бездушного механизма. Ни тени сомнения или милосердия не отражалось в их холодных глазах, когда они проходили мимо нас, оценивая и разделяя нас по каким-то им известным критериям.

Одна из надсмотрщиц остановилась передо мной, её взгляд скользнул по мне с головы до ног, затем она что-то занесла в свой планшет. Её руки двигались механически, а лицо оставалось непроницаемым. В её поведении не было ничего человеческого; она выполняла свою роль без малейшего признака симпатии или антипатии к нам, "товарам".

Эти женщины, надсмотрщицы, словно лишены были всякой способности к сочувствию или пониманию. Их жестокость и безразличие к нашим страданиям делали их еще более пугающими. Они были не просто стражниками нашего заточения; они были его воплощением, живым напоминанием о том, что в этом мире человеческая жизнь потеряла всякий смысл.

В момент, когда одна из них проходила мимо меня, я за-

метила на её запястье номер: СВ135. Это было единственное, что выделяло её из ряда остальных, единственный признак индивидуальности в этом безликом море черных одежд и безразличных лиц. Этот номер заставил меня задуматься: кто эти женщины до того, как стали надсмотрщицами? Что заставило их превратиться в таких бездушных исполнителей чужой воли?

Но у меня не было времени на размышления. Жесткий голос одной из них вернул меня к жесткой реальности. "Двигайся," – сказала она, и я поневоле подчинилась, следуя за толпой к следующему этапу нашего мучительного пути.

Пока я шагала в неизвестность, следуя за бездушными командами надсмотрщиц, мой разум боролся с обрушившимся на меня отчаянием. Что же меня ждёт дальше в этом ужасающем месте, где каждый момент кажется испытанием на прочность духа?

Мечты и надежды, которые я когда-то вынашивала, казались теперь такими далёкими, словно звёзды на ночном небе. Но именно они теперь стали моим маяком в этом бесконечном море отчаяния. Я напоминала себе о причине моего здесь нахождения – моём желании воссоединиться с Вахидом, найти и спасти его, какой бы ценой мне это ни обошлось. С каждым шагом, с каждым вздохом я пыталась собрать в себе все силы, чтобы противостоять предстоящим испытаниям. Я знала, что впереди меня ждут адские испытания и они еще даже не начались. Это так...цветочки.

Мысли о предстоящих трудностях заставляли меня дрожать, но я напоминала себе, что не могу позволить страху взять над собой верх. Я должна была оставаться крепкой, не только ради Вахида, но и ради своего сына. Мне нужно вырваться отсюда.

В этом мире, где каждый момент может стать последним, я обрела новое понимание ценности жизни и любви.

Стоя в этом мрачном месте, окруженная отчаянием и безысходностью, я понимаю, что моя жизнь – это теперь игра, в которой ставка – моё существование. С каждым мгновением, проведенным в плену, моё желание бороться только усиливается. Я не могу позволить этим тварям, одетым в черное, решать мою судьбу. Мне нужно найти выход, мне нужно сбежать.

В моем уме начинает складываться план. Я вспоминаю каждый проход, каждую дверь, которую видела по пути сюда. Я вспоминаю взгляды надсмотрщиц, их маршруты, как часто они проходят мимо нас. Я осматриваю окружение, ища что-то, что можно было бы использовать в качестве оружия или инструмента для побега. Я понимаю, что мне нужно сохранять хладнокровие, не поддаваться панике или страху, ведь именно эмоции могут стать моим врагом, выдать меня. Я начинаю наблюдать за другими, кто оказался здесь вместе со мной. Среди них могут быть союзники, другие, кто так же жаждет свободы. Вместе мы можем увеличить наши шансы

на успех. Но я должна быть осторожна, ведь доверие здесь — редкость, и не каждый может стать союзником в этом отчаянном бегстве.

Моя решимость крепнет с каждой минутой. Я вспоминаю Рино и Викторию, их слова поддержки и уверенность во мне. Особенно Викки, которая говорила, что я справлюсь. Как и Марианна. Я вспоминаю свои мечты и надежды, которые были у меня до того, как я оказалась здесь. Эти воспоминания наполняют меня силой, заставляют мое сердце биться чаще. Я должна вырваться отсюда. Я не могу позволить этому месту стать концом моей истории.

Мне нужно найти Вахида. И я его найду. Знаю, что найду.

Глава 2

С первыми лучами утреннего света, который едва пробивался сквозь тучи, нас начали загружать в транспорт. Это было нечто вроде кареты, но лишенной всякой романтики и изысканности прошлых веков. Её мрачные, почерневшие боковины были высокими и непроглядными, лишь узкие щели в верхней части позволяли догадываться о том, что происходит снаружи.

Воздух внутри был тяжелым и душным, наполненным страхом и отчаянием моих спутников по несчастью. Каждый из нас, погруженный в свои мысли и страхи, старался найти в этой тесноте хоть каплю личного пространства, хоть крупицу уединения. Но это было невозможно. Мы были стянуты вместе, как товар на распродаже, каждый из нас лишь единица в партии, отправляющихся на рынок.

Поездка была томительной. Колеса мрачной кареты бесконечно стучали по каменистой дороге, а каждый толчок проникал прямо в кости. Звуки цепей, были постоянным напоминанием о нашем положении. В моей голове крутилась лишь одна мысль – кто же станет моим новым "владельцем"? Какой ад ждет меня впереди?

С каждой минутой моя тревога нарастала, усугубляясь неизвестностью того, что меня ждет. Страх перед будущим,

перед тем, что меня купят на этом рынке, лишал меня покоя. Мне казалось, что каждый вздох, каждый шепот внутри кареты – это эхо моих собственных страхов.

Внезапно карета остановилась, и это мгновение неподвижности показалось мне более ужасающим, чем все предыдущие часы пути. Мы прибыли на рынок, место, где наши судьбы должны были решиться. Сердце мое замерло в ожидании того, что будет дальше. Впереди меня ждал новый этап моего плена, новая глава в моей жизни, которую я не выбирала, но которую теперь должна была принять. Утешали только мысли о том, что я все ближе и ближе к Вахиду. Я где-то рядом и я обязательно его найду.

Как только двери кареты распахнулись, передо мной предстало зрелище, о котором я пыталась не думать всю дорогу, но которое теперь стало моей реальностью. Рынок рабов. Это место, где человеческая жизнь теряла свою ценность. Атмосфера здесь была мрачной и угнетающей. Воздух пропитан был отчаянием и страхом, которые словно въедались в кожу, оставляя на ней свой немой отпечаток. Гомон торговцев и покупателей заполнял пространство, создавая фон от которого мурашки бежали по коже. Они торговались, смеялись и кричали, словно на обычном рынке, но товаром здесь были живые люди. Взгляды покупателей скользили по рядам, оценивая, выбирая, отвергая. Каждый такой взгляд вызывал во мне новую волну отвращения и гнева. Как могло такое место существовать? Как люди могли так безразлично относиться

к судьбе других?

Вокруг стояли клетки, в которые нас должны были поместить для демонстрации. Стальные прутья этих клеток казались мне холодными и безжалостными, словно сама судьба, которая нас сюда привела. Мое сердце сжималось при мысли о том, что скоро меня поставят на показ, словно экспонат на выставке. Я старалась держаться, напоминая себе, кто я на самом деле, и что моё прошлое и будущее не могут быть проданы за какую-либо цену. Но в глубине души я не могла избавиться от тяжелого чувства, что с каждым шагом по этому рынку я теряю кусочек себя.

Стоя среди других, обреченных на ту же участь, я чувствовала их страх, их безнадежность. Их глаза были полны молчаливого вопроса: "Что будет дальше?" И я знала, что этот вопрос мучил не только их. Нас всех объединяло это чувство неопределенности и страха перед лицом неизвестного будущего на этом рынке страданий. Когда пришло моё время стать на торги, моё сердце замерло. Страх, который я пыталась подавить в себе, вдруг вспыхнул с новой силой. Я оказалась на подиуме, под пристальными взглядами толпы, где каждый мог стать моим новым "хозяином". В этот момент я ощущала себя более беззащитной, чем когда-либо.

И тут, среди лиц, оценивающих меня, как товар на витрине, я увидела Его. Высокий, сильный мужчина с каменным лицом, на котором не отражались никакие эмоции. Его

взгляд был холодным и непроницаемым, и когда он остановился на мне, моё сердце ушло в пятки. В его глазах не было ни жалости, ни доброты, лишь расчет и, возможно, легкое любопытство. Он поднял руку, сделав ставку, и никто не осмелился перебить её. Меня охватило ощущение, что я попала в ловушку хищника, который выбрал меня своей добычей. Моё будущее решалось здесь и сейчас, и я не могла на это повлиять.

Когда аукцион закончился, и меня подвели к новому "владельцу", я почувствовала, как моё тело наполняется тяжестью. Хотя я старалась сохранять внешнее спокойствие, внутри меня бушевала буря эмоций – отчаяние, страх и упрямая решимость каким-то образом изменить свою судьбу. Он взял меня с собой, не произнеся ни слова. Его молчание было угнетающим, и я не знала, чего от него ожидать. Шагая рядом с ним, я чувствовала себя пешкой в чужой игре, чьи правила мне неизвестны.

Мои мысли вертелись вокруг возможности побега, но я понимала, что сейчас это невозможно. Я должна была подождать, подготовиться и только тогда искать возможность вернуть себе свободу. Но до тех пор мне предстояло выяснять, что этот мужчина задумал для меня, и какова будет моя жизнь.

Мужчина с каменным лицом подошел ко мне, и в его холодных глазах я не смогла прочесть ни капли сочувствия или раздумий. Моё сердце замерло от страха и неопределенно-

сти, когда он молча кивнул одному из помощников.

- Я Ти Бэк. И я главный надсмотрщик. Я повезу тебя к твоему хозяину, которому в принципе насрать на твое существование. Ты просто ничто. Запомни это сразу и навсегда. Ты даже не дерьмо, потому что им удобряют почву. Ты ноль! И я могу оторвать тебе голову в любую секунду потому что стоишь ты копейки. Давай руку!

Прежде чем я успела понять, что происходит, меня крепко схватили за руку и притянули к металлическому столу. Помощник Ти Бэка вытащил из своего кожаного кошелька маленькое устройство, напоминающее зловещий печатный станок из прошлых веков. Мое дыхание участилось, когда я поняла, что собираются сделать.

- Тихо, это не займет много времени, – прошептал помощник, его голос звучал безразлично, как будто он делал это каждый день. Он приложил устройство к моей коже, и я почувствовала, как его холодные металлические части касаются моего плеча.

Внезапно я ощутила острый пронзающий болезненный укол, который мгновенно распространился по всему телу. Я не могла сдержать крик, когда клеймо вжигалось в мою кожу, оставляя на ней символ моей новой принадлежности. Это было не просто физическое унижение, это было уничтожение последней иллюзии о моей свободе, о том, что я еще могу контролировать свою судьбу.

Процесс казался вечностью, но на самом деле занял всего

несколько секунд. Когда помощник отошел, оставив на моем плече горящий след своей работы, я почувствовала, как слезы невольно брызнули из моих глаз. Не от боли – она была терпимой. Слезы были от осознания, что теперь я окончательно стала чьей-то собственностью, лишенной воли и права на выбор.

Стоя там, с новым клеймом на плече, я пыталась собрать остатки своего достоинства. Я знала, что мне придется найти в себе силы противостоять всему, что меня ждет. Но в тот момент, под тяжестью новой печати на моей коже, это казалось почти невозможным.

Когда болезненные ощущения от клейма начали стихать, я почувствовала странное вмешательство в свой разум. Будто кто-то невидимый проник в мои мысли и пытается стереть оттуда мои воспоминания, мою историю, моё прошлое. Я ощущала, как вокруг моих самых дорогих моментов собирается туман, пытаюсь сделать их неуловимыми, недоступными.

Но внезапно я поняла, что этот процесс не работает со мной. Мои воспоминания остаются нетронутыми, каждый момент, каждое лицо, каждая эмоция – всё ещё со мной. Возможно, это моя сила воли или, может быть, моя уникальная природа не позволяет им украсть моё прошлое. Однако я понимаю, что должна скрыть это.

Когда надсмотрщик, посыльный моего нового хозяина, задает вопросы, я делаю вид, что моё прошлое стерто. Мои от-

веты монотонны и безжизненны:

- Я ничего не помню... Меня зовут... Кто я? - Я вижу в его глазах удовлетворение, будто он доволен результатом своей работы. Но в глубине души я храню свои воспоминания как самое драгоценное сокровище, последнюю нить, которая связывает меня с моим настоящим "я". Этот момент становится для меня тихим актом бунта. Они могут поставить на мне клеймо, могут попытаться сделать меня своей собственностью, но моё прошлое, мои мысли и мечты остаются только моими. В этом моё маленькое, но непоколебимое сопротивление.

И хотя я понимаю, что впереди меня ждут новые испытания и, возможно, ещё более жестокие попытки сломать меня, я черпаю силу в своём внутреннем мире, который остался нетронутым. В моём сердце зарождается надежда, что однажды я смогу использовать свои воспоминания, чтобы вновь обрести свободу и вернуться к жизни, чтобы искать мою душу, мое сердце. Моего любимого императора.

С каждым мгновением, проведенным в этом новом, угнетающем месте, моё желание найти путь к свободе только усиливается. Новое клеймо на моем теле, попытки стереть моё прошлое – всё это лишь подталкивает меня к действиям. Я понимаю, что мой шанс на побег – это не только возможность вернуть себе свободу, но и шанс сохранить свою идентичность, свои воспоминания и связь с прежним миром. Я начинаю внимательно анализировать своё окружение. Ры-

нок, несмотря на свою кажущуюся неприступность, не может быть совершенно безупречен. Должны быть слабые места, просчеты в системе безопасности, которые я могу использовать в своих целях. Я изучаю расположение клеток, в которых нас держат, местоположение выходов, расписание смены охраны. Все эти детали кажутся мне важными элементами моего потенциального плана побега.

Мое внимание также приковано к надсмотрщикам. Они кажутся безупречно обученными и беспощадными, но каждый имеет свои слабости. Я пытаюсь понять их привычки, искать возможные пробелы в их внимании, которые могли бы дать мне шанс. Самый главный надсмотрщик, который следит за порядком на рынке, вызывает у меня особое беспокойство, но и особый интерес. Его манера держаться, давать указания, его взаимодействие с остальными – всё это может дать мне подсказки.

Охрана рынка также находится под моим неусыпным вниманием. Я стараюсь запомнить смены охранников, их маршруты патрулирования, любые признаки рутины, которую я могла бы использовать в свою пользу. Я ищу места, где кажется, что наблюдение ослабевает, даже если это только на несколько мгновений. Мои размышления о побеге не просто плод моей фантазии. Я знаю, что путь к свободе будет опасным и, возможно, роковым, но мне не остается другого выбора. Я должна попытаться, ведь оставаться здесь, в клетке, смирившись с ролью "товара", – это не жизнь, это медленная

и мучительная гибель души. И так я никогда не найду моего Вахида.

Каждая минута, проведенная на этом рынке, наполняла меня глубоким отчаянием. Я искала любую возможность, любую щель в этой непробиваемой стене безопасности, которая окружала нас. Но чем больше я искала, тем яснее становилось, что все пути к свободе перекрыты. Вокруг рынка возвышались стены, увенчанные колючей проволокой, а воздух был насыщен магической энергией барьеров, которые мерцали невидимым светом, отражая любую попытку приближения. Мое сердце тяжело от осознания, что каждая моя мысль о побеге, каждый замысел оказывался напрасным. Я почти уверена, что даже мои самые тихие мысли о свободе отражались на моем лице.

Ти Бэк, пройдя мимо моей клетки, остановился и посмотрел на меня с недобрым блеском в белесых глазах.

- Ты думаешь о побеге, да? – его голос был холодным и лишенным эмоций. - Не трать зря свои силы. С этим клеймом на твоём теле ты никуда не денешься.

Я вздрогнула от неожиданности его слов и попыталась сохранить невозмутимость, но он продолжил, словно читая мои мысли:

- Вместе с клеймом в твою ногу был вживлен чип. Если ты отойдешь на дальнейшее расстояние от меня или любого другого надсмотрщика, чип активируется. И ты знаешь, что произойдет дальше. Бух! И все твоё тело разорвет на части.

Его глаза сверкнули злорадством.

- Это будет твой последний шаг.

Шок от его слов был так велик, что на мгновение я потеряла дар речи. С каждым мгновением моего пребывания здесь я теряла не только надежду, но и кусочки своей души. Ощущение безысходности охватывало меня сильнее с каждой минутой, и я начинала понимать, что шансов на побег почти не осталось.

Сидя в своей клетке, окруженная другими несчастными проданными рабами и рабынями, я понимала, что мои мечты о свободе могут так и остаться мечтами. Борьба за свободу, казалось, превратилась в борьбу за выживание, и каждый день здесь – это испытание, которое я должна пройти, сохраняя при этом хоть крупицу надежды в глубине своего сердца.

Как только последний из нас был продан, нас начали сгонять в железные клетки. Это были грубые конструкции, лишённые любого удобства и созданные с единственной целью – удержать нас в плену. Каждая клетка была небольшим кубом из стальных прутьев, в котором едва хватало места, чтобы сесть. Пол был холодным и твердым, а воздух внутри – душным и тяжелым.

Когда меня загнали в одну из этих клеток, я ощутила, как мой страх смешался с новым, нарастающим чувством бессилия. Стальные прутья моей клетки казались символом моего

нового положения — я была заточена, лишена возможности двигаться.

Сидя на холодном полу своей клетки, я чувствовала, как каждая часть моего тела напрягается в ожидании того, что будет дальше. Клетки стояли в ряд, и я могла видеть своих несчастных товарищей, каждый из которых был погружен в свои размышления и страхи. Некоторые из них сидели, свесив головы, другие — беспокойно покачивались или двигались, пытаясь найти хоть какое-то облегчение в этом тесном пространстве.

Мы были словно звери в клетках, выставленные на всеобщее обозрение, и каждый проходящий мимо человек напоминал нам о нашем унижительном положении. Я пыталась удержать в себе остатки гордости и достоинства, но чувствовала, как они тают с каждой минутой моего заточения. Внезапно раздался шум мотора, и я поняла, что нас готовят к перевозке. Железные клетки загружали на большую фуру, и каждый толчок, каждое движение заставляли меня вздрагивать. Я была взаперти, лишённая возможности увидеть, куда нас везут, и это добавляло моим страхам новую глубину.

Сидя в своей клетке, уже в крошечной тьме, внутри машины, я чувствовала себя беспомощной игрушкой. Но даже в этот момент, на грани отчаяния, я пыталась сохранить в себе искру надежды, маленький огонек, который говорил мне не сдаваться, вне зависимости от обстоятельств.

Пока клетки одна за другой складываются в фуру, словно

кубики в чудовищной игре, я ощущаю, как мой новый "дом" дребезжит и качается на ходу. Мои мысли смешиваются с шумом движущегося транспорта, и в этот момент я начинаю осознавать весь масштаб моего нового положения. Этот переезд в клетке, лишенной даже намека на комфорт, стал для меня своего рода катарсисом. Моё тело страдает от неудобства и холода металла, но боль в душе куда сильнее. Я заключена, моя свобода утрачена, и каждый километр пути уносит меня всё дальше от всего, что я знала и любила. Я вдруг начинаю понимать... а ведь скорей всего я не найду Вахида. Я не вернусь к своему сыну! Это может быть и есть смерть... Но даже в этот момент, когда кажется, что вокруг лишь отчаяние и мрак, я понимаю, что это путешествие в неизвестность – это ещё не конец. Это лишь начало моего испытания в этом новом и жестоком мире. Я осознаю, что мне предстоит столкнуться с еще большим количеством препятствий и испытаний, каждое из которых будет проверять мою волю к жизни, мою силу и мою способность сохранять надежду, даже когда кажется, что вся надежда потеряна.

Надо успокоиться, я сильная. Я найду способ вырваться. Найду способ уйти. Надо время, надо осмотреться, прийти в себя.

Я понимаю, что сумрак вокруг – это не просто наступление ночи. Это метафора моего текущего состояния. Но в глубине души я все еще верю, что после самой темной ночи наступает рассвет. И пока в моем сердце живет эта вера, я

не сдамся. Я буду бороться за свою свободу, за свою жизнь, независимо от того, какие испытания приготовила мне судьба.

Моё путешествие в этом мире только начинается, и я готова столкнуться с ним лицом к лицу. С каждым вздохом, с каждым ударом моего сердца я напоминаю себе, что я сильнее, чем кажусь, и что во мне достаточно силы, чтобы пережить все, что меня ждет впереди и найти моего мужчину.

Глава 3

Пробуждение пришло неожиданно, как будто меня вырвали из глубокой бездны кошмаров и бросили в другую, не менее мрачную реальность. Темнота вокруг была абсолютной, непроглядной, словно я оказалась в самом сердце ночи, лишенной звезд и луны. Любого освещения. Мрачность закрадывалась внутрь моей души и окутывала ее черными щупальцами страха, подрывая уверенность и решимость. Воздух в этом тесном пространстве был насыщен запахом страха и отчаяния, и каждый вдох наполнял меня тяжестью неизвестности. Плач, стоны, крики – звуки, которые эхом отдавались в темноте, заставляли мое сердце замирать от ужаса. Они были настолько живыми и настоящими, что я могла почти ощутить их на своей коже. Сквозь эту картину отчаяния пробивалась дробь чужих сердец, каждое из которых, как и мое, трепыхалось от неизвестности и панического ужаса. Мне казалось, что я потерялась в этом мраке, став лишь одной из множества несчастных душ, запертых здесь, на краю отчаяния. Мои мысли кружились, пытаясь найти выход из этой ловушки темноты, но каждый раз сталкивались с невидимыми стенами моего временного плена.

Пытаясь адаптироваться к этой новой реальности, я осторожно приподнялась, чувствуя, как мои руки и ноги касаются

ся холодного, неприятного пола и стен клетки, в которой я оказалась. Ощупывая их, я ощущала некое чувство отрыва от реальности. Мне вдруг ужасно захотелось, чтобы все оказалось сном, и я проснулась на брачном ложе в объятиях моего волка, моего императора.

Но глубоко внутри я понимала, что это не сон. Это мой новый кошмарный мир, где каждый звук стоны или плача становится частью моего собственного страха, где каждая тень, пробегающая мимо моих закрытых век, кажется предвестником новых кошмаров. И в этот момент, сидя в абсолютной темноте, я начинала понимать, что моя борьба за выживание только начинается.

В темноте, рядом со мной, едва уловимо дышит молчаливая фигура. Я надеюсь, что может быть найду в ней союзника, или хотя бы пойму, кто она, но мои попытки завязать разговор теряются в мрачной тишине этого места.

- Эй, ты слышишь меня? – шепчу я, надеясь на какой-то ответ. Но в ответ – лишь молчание, которое кажется громче любых слов.

И вдруг, когда я уже начинаю терять надежду на какой-либо контакт, женщина резко поворачивается ко мне. Её движение настолько неожиданное и стремительное, что я вздрагиваю. И тогда я вижу их – её глаза, светящиеся в темноте ярким желтым фосфором, как у ночного хищника. Они пронизывают меня насквозь, заставляя мое сердце замереть от страха.

Когда она шипит на меня, её звук пронзает тишину, словно острое ножа. Это звучит угрожающе и дико, и моя собственная реакция меня удивляет. Вместо страха я чувствую, как моя звериная сущность откликается на этот вызов. Мои зубы сжимаются, а в глубине души я чувствую, как мои инстинкты пробуждаются к жизни.

Мы стоим друг против друга в этой мрачной клетке, как два зверя, готовые к бою. Но разум во мне борется с этим первобытным порывом.

- Ты тоже здесь пленница, – шепчу я сквозь стиснутые зубы, пытаюсь найти в себе слова, которые смогли бы пробудить в ней чувство солидарности, а не агрессии. Это не то место и не то время когда стоит грызть и рвать друг друга. – Доставим удовольствием и перегрызем друг другу глотки?

Но женщина не отвечает, она вновь погружается в молчание, ее фосфорящийся взгляд так и сверлит меня, дразня мою волчицу, которая готова в любой момент прорвать мои оболочки и вырваться наружу. Этот момент напряжения между нами висит в воздухе, как тяжелая завеса, и я понимаю, что наша борьба за выживание здесь, в этом месте, может сделать из нас не союзников, а врагов. К этому я не была готова и не могла понять причин агрессии. Они откроются для меня позже...

А сейчас мне приходится отступить обратно в свой угол темной клетки, где я сижу, обхватив колени руками, пытаюсь

успокоить в себе проснувшегося зверя. Я понимаю, что каждый из нас здесь оказался не по своей воле, и каждый встречает это испытание по-своему. Кто знает, какие чувства испытывает эта кошка и как она здесь оказалась, сколько боли вытерпела. Но я точно знаю, что если бы она напала моя волчица впилась бы клыками в ее горло и жадно разорвала голосовые связки, сожрала бы ее мясо.

Внезапно дверцы распахнулись и в клетку вошел охранник. Его присутствие наводило мрак и ужас, и каждый его шаг казался наполненным угрозой. В его руках были два маленьких флакончика с зельем, искрившимися ярко-красным огнем.

- Время принимать ваше лекарство, – его голос был лишен всяких эмоций, словно он просто выполнял очередную рутинную задачу. Он протянул по флакону каждой из нас, и его взгляд заставил меня понять, что отказываться не стоит.

Я взяла флакон в руки, ощущая холод стекла. В глубине души я боролась с мыслью о том, что сейчас произойдет. Слова Ти Бека, о том, что это зелье подавит нашу сущность, эхом отзывались в моем сознании. Я не хотела становиться более покладистой, не хотела терять ту немногочисленную свободу воли, которая у меня еще осталась. Но я знала, что у меня нет выбора. Под прицельным взглядом охранника я прикоснулась к флакону к губам и медленно выпила его содержимое. Зелье было горьким, и его вкус надолго остался у

меня во рту, как неприятное напоминание о моем беспорядочном положении. Когда я закончила, охранник кивнул и, не проявив ни малейшего интереса к нашему состоянию после приема зелья, покинул клетку. Я смотрела ему вслед, чувствуя, как странное тепло начинает распространяться по моему телу. С каждой минутой я чувствовала, как моя внутренняя сущность как бы отступает, уступая место неведомому покою. Это ощущение было столь непривычным, что на мгновение я почувствовала себя потерянной. Как будто принявшей наркотическое вещество. Моя звериная сторона, которая еще мгновение назад бунтовала, словно уснула, оставив после себя лишь тишину.

В этот момент я поняла всю глубину своего положения. Ти Бек и его слуги могли не только контролировать мое тело, но и влиять на мою сущность, мои инстинкты, делая меня послушным инструментом в их руках. Это осознание наполнило меня новым страхом и отчаянием, но я знала, что должна сохранять силу. Несмотря на все, я не должна позволить им сломать меня окончательно. Это только начало пути и сломаться в самом начале означало проиграть. Стать безвольным куском мяса. Тогда все будет напрасно.

Транспортировка оказалась долгим и мучительным путешествием. Заключение в тесные, душные клетки, мы, как безмолвный груз, медленно продвигались по извилистым дорогам. Когда фургон остановился, и двери распахнулись, мне открылся вид на огромный, зловеще выглядящий дом, окру-

женный высоким забором, как будто специально созданным для того, чтобы удерживать внутри нас бесправных, слабых кусков мяса. Пока что еще оставалось загадкой зачем. Но я не верила, что на нас наденут передники и шапочки и мы отправимся готовить на кухне или мыть полы. Нас ожидало нечто ужасное и мерзкое.

В этот момент я осознала, что любая мысль о побеге казалась еще более невозможной, чем раньше. Забор, окутанный колючей проволокой, и камеры видеонаблюдения, установленные на каждом углу, словно кричали о том, что этот дом - не что иное, как тюрьма под открытым небом. Ни черта я отсюда не сбегу...

После короткого, но напряженного ожидания нас начали выгружать из фургона для новой сортировки. Мое сердце замерло, когда я увидела, что оказалась в одном ряду с той же женщиной, которая ранее напала на меня в темноте. Ее глаза вновь сверкали тем же неодолимым светом, и я почувствовала, как между нами снова нарастает напряжение. Но наши сущности были подавлены. Стычки не будет. По крайней мере точно не сейчас.

Мы стояли в длинном ряду, словно товар на витрине, пока высокая женщина в строгом черном костюме с плеткой в руке не начала медленно проходить мимо нас. Она останавливалась перед каждым, оценивающе вглядываясь в лица, и ее безразличный взгляд заставлял меня чувствовать себя еще более беззащитной.

Внезапно она остановилась перед одним из рабов, чей плач прорвал мрачное молчание, и без колебаний ударила его плеткой. Ее голос, холодный и безжалостный, прозвучал в повисшей тишине: - Запомните, вы теперь собственность Моргана Ашера. И он сделает с вами все, что пожелает. Смиритесь. Смиранный раб – живой раб. Никто из вас ничего из себя не представляет. Вы дешевый и грязный товар. Ваша смерть никого не огорчит и не расстроит и даже не принесет убытки.

Эти слова, произнесенные с таким презрением к нашему достоинству, заставили меня содрогнуться. Я понимала, что мое положение здесь было безнадежным. Я стала частью мира, где моя воля, мои желания и мои мечты ничего не значили. И хотя в глубине души я все еще искала искру надежды, каждый момент, проведенный в этом месте, делал ее все более и более тусклой. Что ж значит я погибну здесь. По крайней мере я пыталась. Я пришла за ним, как если бы он пришел за мной.

Слова надсмотрщицы, произнесенные с такой безразличной жестокостью, поражают меня, вызывая бурю эмоций в моей душе. Отчаяние и страх смешиваются с неукротимым гневом и непоколебимой решимостью. Тварь! Мерзкая тварь. Кто она? Бесчеловечная машина, которая выполняет волю некоего Моргана.

- Любая провинность принесет вам адскую боль. Такую

боль, которую вы никогда раньше не испытывали.

Каждое её слово, каждый удар плетки по несчастным рядам со мной только усиливает мою волю к сопротивлению. Я отказываюсь быть безмолвной жертвой в этом мире безумия и жестокости. Я не позволю этим обстоятельствам сломать меня, уничтожить меня, стереть мои мечты и надежды.

Страх перед неизвестным будущим, которое меня ждет во владениях Моргана Ашера, непрекращающаяся борьба за сохранение своего "я" в условиях полного подчинения – все это ставит передо мной новые, еще более сложные задачи. Но я понимаю, что моя свобода – это не просто отсутствие физических оков, это борьба за свободу моего духа, моей воли к жизни.

Глава 4

Сидя на холодном полу огромной комнаты, окруженная другими женщинами, я впервые с момента нашего пленения ощущала в руках что-то, что можно было бы назвать настоящей едой. Перед нами разложили простые, но питательные блюда. Я медленно переворачивала в руках кусок хлеба, всматриваясь в его пористую структуру. Свежий, мягкий. После гадости которой нас кормили в дороге, это было чем-то особенным.

Поедание этой пищи, хоть и было первым приличным питанием за долгое время, не приносило удовольствия. В воздухе витала напряженность, которая заставляла многих из нас есть в молчании, не решаясь заговорить или даже встретиться взглядами. Каждый кусок пищи, отправленный в рот, не лез в глотку, являлся напоминанием о том, что наша свобода и право выбирать давно позади. Кто-то решил, что мы будем есть именно это и именно сейчас.

Вокруг меня женщины все, казалось по разному воспринимали это неожиданное пиршество. Некоторые, казалось, пытались найти утешение в этих маленьких порциях пищи, в то время как другие ели механически, словно их мысли были далеко отсюда, в местах, которые мы уже, возможно, никогда не увидим. Были и те кто жадно набросились на еду

и пытались отнять дополнительную порцию еще у кого-то, но надсмотрщик быстро успокоил особо алчущих хлыстом с шипами.

Я смотрела на свою порцию, и мне становилось ясно, что каждый кусок этой еды - это не просто питание для тела. Это было напоминание от наших хозяев о том, что теперь они контролируют даже самые основные аспекты нашего существования - наше питание, наш отдых, наши тела. Каждый глоток и каждый кусок становились символом нашей безвольности. Примерно то же самое я ощущала, когда попала в дом к Вахиду... Но тогда все было иначе. Я увидела его и пропала, попалась на крючок сумасшествия. И могла даже голодать лишь бы увидеть его.

Я старалась не думать о том, что будет дальше. Но глубоко внутри я чувствовала, что этот момент затишья перед бурей, эта пища, которую мы потребляли, лишь предвестник нового этапа нашего пути в этом темном и непонятном мире рабства. Мы все знали, что этот относительный покой скоро закончится, и нас ждет следующий этап нашей участи, о котором мы могли только догадываться. После того как мы поужинали, нас подняли и погнали куда-то дальше. Мы шли коридорами, где холодные, голые стены отражали эхо наших шагов. Наконец, нас привели в помещение, наполненное паром и звуком льющейся воды. Это были душевые комнаты, и я ощутила, как внутри меня просыпается жажда чистоты, так долго мне недоступная. Мы все грязные, провонявшие

потом, выделениями, кто-то мочой и кровью остро нуждались в душе.

Мы вошли в комнату, и на мгновение я забыла о своем страхе и неопределенности будущего. Желание смыть с себя грязь плена, испытания переезда было непреодолимым. Я подошла к одному из душей, и когда потоки теплой воды коснулись моей кожи, я почувствовала, как с меня смываются не только физические следы плена, но и часть моих страхов и переживаний.

Стоя под душем, я закрыла глаза, позволяя воде течь по моему лицу, моему телу, унося с собой тяжесть последних дней. На мгновение мне показалось, что я могу начать все сначала, что еще есть шанс на свободу и надежду. Это было кратковременное облегчение, но я пыталась впитать в себя каждую секунду этого момента, чтобы сохранить его в памяти как напоминание о том, что даже в самых темных временах можно найти источник света. И мой источник света – это Вахид. Я найду его. Это вопрос времени. Мне нужно адаптироваться и тогда я начну действовать. Если есть вход есть и выход и я его найду.

Когда время в душе подошло к концу, я ощущала, как часть моей усталости ушла вместе с потоками воды в сток. Хотя я знала, что это только временное облегчение и впереди меня ждут новые адские испытания, я была благодарна за этот момент чистоты и покоя. Это был драгоценный перерыв в моем путешествии через тьму, маленький оазис, который я

постаралась сохранить в своем сердце, прежде чем вернуться к реальности моего плена.

После того как вода смыла с нас тяжесть и грязь, нас повели дальше. Следующим этапом нашего унижения стало переодевание. Нам выдали комплекты одежды, которые больше напоминали костюмы для какого-то странного и извращенного представления, чем настоящую одежду. Тонкие, яркие ткани едва прикрывали тело, а нелепые украшения только подчеркивали наше беспомощное положение. Видны голые ноги, едва прикрыта грудь. На боках разрезы так что видны бедра. Вместо нижнего белья, какие-то лоскутки ткани на завязках. Лифчика нет совсем. Голые груди свободно колыхаются под полупрозрачной тканью.

Стоя перед зеркалом, я встретила взгляд собственного отражения и едва узнала себя. Та женщина, что смотрела на меня оттуда, казалась чужой и униженной. Одежда, в которую меня нарядили, вызвала во мне мощный всплеск стыда и возмущения. Я почувствовала, как краска стыда заливает мои щеки, а сердце наполняется гневом. Как они посмели так нас одеть? Кто мы? Зачем мы здесь? Что это за маскарад?

Вокруг меня другие женщины также переодевались, и я видела в их глазах то же самое чувство унижения. Некоторые пытались закрыться руками, другие бросали на охранников и слуг полные гнева и отчаяния взгляды. Но все мы были бессильны изменить что-либо. Эта одежда была предназначена не для нас, а для тех, кто смотрел на нас как на развле-

чение, как на живой товар на витрине.

Мы стали частью шоу, которое они устраивали для своего удовольствия. И каждый раз, когда я пыталась поднять глаза и встретить взгляд кого-то из нас, я видела лишь страх и унижение. В тот момент я поняла, что наше пребывание здесь - это не просто физическое пленение. Это попытка сломить нас морально, уничтожить нашу волю и превратить в безвольные куклы в руках наших хозяев.

Но в глубине души я клялась себе, что не позволю им победить. Я буду бороться за свою гордость и достоинство, несмотря на все препятствия и унижения. И хотя сейчас мне приходилось носить эти тряпки, я знала, что внутри меня живет сила, которую они никогда не смогут сломить.

Одетая в нелепую и унижительную одежду, я ощущала себя чужой среди этих женщин, собранных здесь со всех миров. Во мне всё ещё жила надежда понять, что нас ждёт дальше, какова цель этого зловещего сборища. Я обращалась к другим рабыням с вопросами, но мои попытки натыкались на глухую стену молчания. В их глазах я видела лишь страх и растерянность, словно они сами не понимали, куда их привели и какой ужас ожидает впереди.

Тогда я решила подойти к той самой женщине, что ранее показала мне свою агрессию, с которой мы чуть не сцепились. В её глазах тлел огонь, который я не видела ни в одном из взглядов остальных. Этим она напоминала мне меня саму.

- Куда нас везут? – мой вопрос звучал тверже, чем я ожидала от себя. В ответ она лишь молчала, словно взвешивая, стоит ли открывать мне правду. Но она знает. Я это видела по ее глазам.

И вот, наконец, её губы шевельнулись, и из них вырвались слова, пронзившие меня насквозь холодом:

- На растерзание гладиаторам. Достанемся победителям и те затрахают нас до смерти! Возможно на глазах у зрителей!

Её голос звучал сухо и безэмоционально, но каждое слово ударяло по мне, как удар током. Меня охватила дрожь при мысли о том, что мы, живые люди, станем развлечением для толпы, жаждущей крови и насилия.

Это откровение внесло ясность, но вместе с тем и ужасное понимание нашего положения. Вокруг меня женщины продолжали молчать, некоторые впали в отчаяние, другие – в ступор, не в силах осмыслить произошедшее. А я стояла там, вцепившись в собственные руки, чувствуя, как злость и страх смешиваются во мне, порождая новую, невиданную ранее решимость.

"На растерзание гладиаторам," – эти слова будут эхом звучать в моей голове. Я отказывалась верить, что наш конец уже предрешен. В моем сердце зарождалась искра бунта, питаемая страхом и желанием жить. Я понимала, что должна найти выход, какой бы он ни был, ведь сдаваться без боя – значит потерять всё. Я не переживу этого кошмара. Все что угодно только не это. Надо бежать. Прямо по дороге. Приду-

мать как вырваться из лап надзирателей.

Когда фургон остановился, и двери распахнулись, я не могла поверить своим глазам. Передо мной возвышался огромный крытый амфитеатр, его монументальные очертания резались на фоне серого неба. Строение было выполнено в несколько этажей, каждый из которых украшен сложными архитектурными элементами, создавая впечатление древнего замка или храма. Явная копия римского амфитеатра воссозданная с невероятной точностью. Значит эти ...эти деусы бывали в наших мирах...бывали и иногда что-то «забирали» себе. Пока что я плохо понимала, что такое деус. На что они способны.

На мгновение я забыла о своем страшном положении, поглощенная величием и красотой этого сооружения. Фасад амфитеатра был украшен изысканными рельефами и статуями, которые словно рассказывали о прошлых веках, о героях и битвах, забытых историей. Это контрастировало с мрачной реальностью, в которую мы все были брошены, и делало мой страх еще более осязаемым. Нас быстро подгоняли внутрь, и я старалась удержать в памяти каждую деталь этого места, пытаясь понять, кто мог создать такое чудо архитектуры и для каких целей. Внутри амфитеатр оказался еще более внушительным: огромная арена в центре, окруженная рядами сидений, которые поднимались все выше и выше, создавая эффект полного погружения для зрителей.

В тот момент, когда меня вели по темным коридорам ам-

фитеатра, я ощущала на себе взгляды ожидающих зрелища. Я представляла, как эти места скоро наполнятся толпой, жаждущей развлечений и крови. И хотя красота архитектуры заставляла мое сердце биться чаще, осознание того, что меня ждет, наполняло меня ледяным ужасом. Я прекрасно помнила, что мне сказали...

Мы были здесь не для того, чтобы восхищаться красотой амфитеатра, а чтобы стать частью кровавого зрелища, которое устроили для развлечения других.

Глава 5

Как только двери арены широко распахнулись, мое внимание немедленно приковали фигуры, выходящие на свет. Мужчины, первые участники зрелища, были так красивы, что на мгновение мое дыхание перехватило. Они напоминали античных богов, спустившихся с Олимпа: каждый мускул, каждая черта лица казались высеченным из мрамора совершенством.

Их тела блестели под ярким светом арены, и я почувствовала, как мое сердце бьется чаще при виде их пронзительных взглядов, которые скользили по толпе зрителей. Они выглядели уверенно и явно были готовы к предстоящему испытанию, несмотря на варварский сценарий, который предстояло им исполнить.

Зрители вокруг меня встретили их аплодисментами и возгласами восхищения. В воздухе витала электрическая атмосфера предвкушения и экстаза, как будто каждый ожидал, что сейчас развернется нечто великолепное и захватывающее. На мгновение мне показалось, что я стала свидетельницей древнего ритуала, где герои собираются сразиться за славу и почет перед лицом страшных чудовищ гораздо более страшных чем они сами.

Но моя иллюзия быстро рассеялась, когда я вспомнила,

что эти красивые, похожие на богов существа скоро будут бороться не за мифы и легенды, а за жестокое развлечение толпы. Они будут рвать друг друга клыками, пить кровь своих соперников, предаваясь насилию, которое так восторженно ждали все здесь собравшиеся.

Именно в тот момент я осознала, что величие и красота могут быть лишь маской для жестокости и варварства, скрытыми за блестящим фасадом арены. С каждым шагом мужчин к центру стадиона мое сердце сжималось от страха и жалости к ним, зная, что скоро эта красота будет осквернена кровью и болезненными криками агонии. С незначительным, едва уловимым звуком, который служил сигналом к началу боя, арена взорвалась действием. Мужчины, которых мгновение назад я могла считать полубогами, превратились в зверей. В одно мгновение они атаковали друг друга, и стадион погрузился в хаос жестокости и насилия.

Я стояла, прижавшись спиной к холодной стене своей клетки, и не могла отвести глаз. Клыки, которые блеснули в рту одного из вампиров, словно жемчуга, окрашенные в кровавый цвет, рассекали воздух и плоть. Когти, острые и неумолимые, оставляли на телах страшные, кровоточащие раны. Вампиры пили кровь своих противников, с ужасающим аппетитом и жадностью, которая могла быть свойственна только существам их рода.

Вокруг меня зрители встречали каждый новый момент кровопролития криками и аплодисментами. Они радовались

виду мучений и смерти, словно это было величайшее развлечение, которое только можно было себе представить. Я же чувствовала, как мой желудок сжимается от отвращения и ужаса.

В этой схватке не было ни милосердия, ни пощады. Вампиры боролись до последнего вздоха своих соперников, каждый из них стремился стать единственным победителем, последним стоящим на этой арене крови и боли. И хотя я пыталась закрыть глаза, отвернуться, внутри меня что-то ломалось при виде каждой новой жертвы, при каждом новом вопле, который раздирал воздух.

Я понимала, что все они, эти вампиры, были когда-то людьми. У каждого из них была своя жизнь, свои мечты и надежды, которые были безжалостно превращены в эту жуткую реальность. Их сущности были искажены и обращены против них же, превратив их жизни в бой на арене вечного страдания.

С каждой минутой, каждым действием на этой арене, часть меня умирала вместе с теми, кто уже пал. Я чувствовала, как страх и отчаяние заполняют мое сознание, и я молила о том, чтобы найти в себе силы и возможность вырваться из этого кошмара. Но в то же время, я знала, что каждый момент здесь лишь приближает меня к возможному концу, который теперь казался неизбежным.

Зал словно ожил, наполнившись диким восторгом от разверзшихся перед ним жестоких сцен. Воздух дрожал от кри-

ков и аплодисментов; зрители улюлюкали, стуча ногами и махая руками в такт сумасшедшему ритму на арене. Каждый новый удар, каждый всплеск крови вызывал новую волну громких одобрений. Люди переживали эйфорию, словно находились во власти какого-то мрачного, кровавого транса.

Атмосфера в амфитеатре была пропитана жаждой насилия и желанием увидеть еще больше разрушений. Это было похоже на какой-то древний ритуал, где кровь и боль становились пищей для масс, жаждущих зрелищ и удовлетворения своих самых темных инстинктов. Всюду вокруг меня лица были искажены страстью к этому безумию; глаза горели, рты были раскрыты в криках.

Мне становилось тяжело дышать от этой наэлектризованной, насыщенной адреналином атмосферы. Я чувствовала, как с каждой минутой мои надежды на спасение угасают, растворяются в этом вихре жестокости и мрака. Люди вокруг не видели меня, не замечали моего ужаса; они были слишком поглощены кровавым представлением, которое разворачивалось перед ними. Да и не люди это... По привычке назвала людьми тех, кто никогда ими не был. Это Деусы. Пожиратели плоти, крови и мыслей, пожиратели души. Теперь я многое о них знала.

Это было похоже на какую-то забытую картину ада, где каждый из зрителей становился участником темных ритуалов, а арена превратилась в алтарь для жертвоприношений. В моих ушах звучал их смех и вопли, и каждый звук был

как удар, напоминая о безысходности и отчаянии, которое теперь было моим единственным спутником в этом ужасающем месте.

В момент, когда в арене разгоралась новая волна жестокости и кровопролития, женщина, стоявшая рядом со мной за тяжелыми металлическими решетками, наклонилась ко мне. Ее голос был едва слышен на фоне криков и гомона толпы, но каждое ее слово врезалось в мою память с неизгладимой четкостью.

- Ты видишь их? — шептала она, указывая на бойцов в арене. — Победители этого кровавого пира получают нас в качестве призов. Мы станем их собственностью... их игрушками.

Она повторила слова той сучки с которой я сцепилась в дороге. Кстати неизвестно куда она пропала.

Женщина огляделась, чтобы убедиться, что надзиратели не слушают, и продолжила:

- Они могут делать с нами все, что захотят. Убивать, мучить, изнасиловать... И все это на глазах у собравшейся толпы. Это еще один этап развлечения тех... тварей. Потом нас могут забрать себе и драть и мучить пока не умрем в их клетках.

Ее слова заставили меня замереть. Я чувствовала, как мой страх сменяется ледяным ужасом. С каждым ударом сердца я осознавала, что моя судьба и судьбы всех нас, здесь, в клет-

ках, теперь зависели от жестокой воли победителей. Женщина продолжила шептать, ее голос становился все более тихим и напряженным:

- Не остается надежды на милость или пощаду. Здесь, в этом амфитеатре, человечность умерла, уступив место дикому варварству. Мы — лишь разменная монета в их жестоких играх. Хуже еды.

Вокруг нас раздались крики радости и восторга от зрителей, которые наблюдали за схваткой. Но для меня и женщины рядом со мной эти звуки звучали как похоронный звон.

- Мы должны найти способ выжить, — прошептала я в ответ, пытаясь заглушить в себе страх. - Не дать им сломить нас.

- Такое иногда случается...если ты понравишься гладиатору, то можешь прожить в виде его игрушки довольно долго. Например, пока он не умрет на арене. А потом тебя снова разыграют...Недавно Флора...любовница Рамира покончила с собой после его гибели, чтоб никому не достаться.

Женщина посмотрела на меня, ее глаза в тусклом свете казались почти черными.

- Поэтому шанс на выживание — это все, что нам остается, — сказала она, и в ее голосе звучала решимость, которая дала мне крохотный осколок надежды. — Понравиться рабу. Вот наша самая лучшая участь.

Глава 6

В этот момент я поняла, что несмотря на всю жестокость нашей судьбы, я должна сохранить в себе волю к жизни, какой бы ценой это ни обошлось. Мы должны бороться, даже если весь мир вокруг нас жаждет нашей боли и страданий. Я должна выжить и найти Вахида. Какой ценой? Мне было страшно об этом даже подумать.

Как только последний из соперников самого сильного из вампиров упал на песок арены, обгаренный кровью и беззвучно умирая, толпа взорвалась новой волной аплодисментов. Победитель, вампир с широко разинутым в триумфетом и блестящими от крови клыками, медленно обошел своего последнего противника, не отрывая взгляда от его израненного тела. Воздух дрожал от грома одобрения и ужаса, зрители не могли насытиться этим зрелищем.

Тело последнего упавшего врага лежало неподвижно, а победитель, подняв руки к небу, принял овации. Его тело, покрытое мозаикой из крови и пота, сверкало под яркими огнями арены. С каждым мгновением его взгляд становился все более диким и непредсказуемым, словно он сам не верил в свою победу.

Музыка боевых горнов заполнила арену, подчеркивая эпичность момента. Вампир медленно опустил руки и начал

обходить арену, поклоняясь толпе, его взгляд время от времени скользил по заключенным, стоящим за решеткой, его новым "призам". В каждом его движении чувствовалась сила и грозность, обещающие еще большие ужасы для тех, кто окажется в его власти.

- У них проходят месяцы тренировок и воздержания перед новыми выступлениями. Они голодны... их распирает от похоти и жажды крови.

Когда он подошел к нам, его глаза на мгновение встретились с моими, и я почувствовала холодный страх, пробегающий по спине. В его взгляде не было милосердия или сомнения, только жестокая решимость и удовлетворение от своей победы. Он знал, что сейчас владеет жизнями всех нас, и это придавало ему уверенности.

После его круга почета вокруг арены, вампир поднялся на платформу для чествования. Там его уже ждал организатор зрелищ, который вручил ему символический трофей - большой, изысканно выполненный кинжал с ручкой, украшенной драгоценными камнями. Вампир взял трофей и с силой воткнул его в землю арены, символизируя свою победу и право владеть побежденными.

Арена на мгновение замерла в ожидании, прежде чем вновь взорваться громом аплодисментов и одобрения, а в моем сердце углубилась темная яма отчаяния и страха, ведь я знала, что этот вампир теперь решит мою судьбу, и это решение будет неумолимым. Только бы он не выбрал ме-

ня... Ведь он может выбрать только трех...

Под звуки боевых труб и вихрь возгласов, победитель медленно поднялся на высокий пьедестал, который доминировал над ареной. Оттуда он мог видеть все ряды заполненных зрителями трибун, каждый из которых охвачен азартом и предвкушением.

Каждый его шаг по пьедесталу сопровождался новой волной криков и аплодисментов. Воздух был насыщен острым запахом крови и металла. Когда вампир остановился на вершине, его фигура вырисовывалась мощной и грозной силуэтом против фона огней, освещающих арену.

Организаторы зрелища, одетые в темные мантии, поднесли ему ключ, который лег в его руку с металлическим звоном.

В его руках, как знак абсолютной власти и господства, блеснул тяжелый, украшенный орнаментами ключ — символ его права распоряжаться жизнями тех, кто сейчас заключен в клетках. Этот момент стал кульминацией всего вечера — победитель, теперь не просто воин, а мастер и владыка жизней, гордо поднял ключ над головой, вызывая новую волну восторженных криков.

Зрители, включая меня, смотрели на эту сцену с беспокойством и тревогой. Осознание того, что каждая из нас, заключенных за решеткой, могла стать частью его "приза", наполняло моё сердце холодом. Он мог выбрать любую, чтобы убить, мучить или использовать по своему усмотрению,

и этот выбор был бы законен и одобрен зрителями.

Пока он медленно спускался с пьедестала, каждый его шаг заставлял мое сердце сжиматься, и я могла только надеяться, что смогу как-то избежать его внимания. В моем воображении ключ стал символом не только власти, но и потерянной надежды. Я смотрела, как он подходит к клеткам, его тень падала на меня, словно темное облако, обещающее бурю из страданий и боли.

В этот момент я поняла, что мои страхи о конечной участи только усилились, и предстоящие события определенно опрокинут мою жизнь, возможно, разрушив все, что я знала и к чему стремилась.

Как я буду искать Вахида...оскверненная и использованная рабами....

В момент, когда мрачная фигура победителя всё ближе приближалась к нашей клетке, каждый его шаг наполнял воздух электричеством страха и ожидания. Мы, женщины, вплотную прижимались друг к другу, стараясь создать хоть какой-то барьер между собой и ним. Наши тела дрожали, не только от холода, который проникал сквозь тонкие одеяния, но и от глубокого, инстинктивного страха.

Мое билось как в последний раз, я почувствовала, как страх смешивается с горькой ненавистью. Я видела его глаза — холодные, расчетливые, полные жестокой уверенности. Эти глаза не обещали ничего хорошего. Он шел прямо к нам,

его рука уже тянулась к ключу на поясе, который должен был открыть нашу клетку и освободить нас для него и его мерзких желаний.

Другие женщины вздрагивали при каждом его шаге, их глаза расширялись в ужасе, рты были полуоткрыты в безмолвных молитвах или проклятиях. Они отступали всё дальше к задней стене клетки, пытаясь сохранить хоть какую-то дистанцию от него. Но пространство было ограничено, и вскоре стена стала их последним убежищем, физическим и психологическим барьером между ними и предстоящей судьбой.

Я почувствовала, как рука одной из женщин, младшей и очень бледной, крепко сжала мою за руку. Это было тихое, но мощное напоминание о том, что мы в этом вместе, что наша солидарность — возможно, единственное, что мы можем противопоставить своему страху и отчаянию. Я крепко сжала руку в ответ, и в моем сердце на мгновение вспыхнула искра бунтарского духа. Несмотря на всю кажущуюся безысходность, я не хотела сдаваться без борьбы. Когда ключ со скрежетом повернулся в замке нашей клетки, и дверь начала медленно открываться, каждая из нас затаила дыхание. Подавленные, но еще живые, мы стояли вместе, готовые встретить свою судьбу, не зная, что именно принесет следующий момент. И каждое движение вампира, каждый его шаг на пороге клетки был наполнен мрачной угрозой. Все мы, скученные в углу нашего временного приюта, обменялись испуган-

ными взглядами.

Я сжала руки в кулаки, стараясь подавить трепет, который захватил меня с головы до пят. Я пыталась казаться невозмутимой, хотя мое сердце бешено колотилось. "Нужно думать, нужно что-то делать," - крутилось у меня в голове, но вариантов было мало.

Внезапно, когда победитель стал делать первый шаг внутрь, в тот момент, когда весь зал замер в ожидании действий, голос ведущего разрезал напряжение:

"Но подождите, это еще не конец!" - его голос раздался мощно и уверенно через весь амфитеатр. "Наш победитель получит свой приз только после того, как сразится с более мощным противником. Правила игры меняются! Мы же любим сюрпризы!"

Мгновение коллективного замешательства захлестнуло зал. Зрители, вначале разочарованные перерывом в "развлечении", быстро воспряли, вкушая новую волну возможного зрелища. Я почувствовала, как отчаяние в её груди смешалось с неожиданным приливом надежды.

Вампир, стоя на пороге клетки, повернулся, чтобы посмотреть на толпу и на того, кто готов был бросить ему вызов, и в его глазах можно было увидеть не только жажду борьбы, но и моментальное рассчитывание новой стратегии.

«Нужно быть готовой ко всему. Я найду способ выжить. Я должна. Никто из них не получит меня... Значит это место станет моей могилой"

Глава 7

Тишина перед бурей казалась особенно гнетущей, когда ворота арены медленно распахнулись, впуская в свои пределы следующих двух бойцов. Напряжение в воздухе было ощутимо, как если бы все электричество мира сконцентрировалось именно здесь. Зрители встретили их громкими аплодисментами и свистом, каждый из них жаждал увидеть, чем удивят их эти воины.

Двое мужчин, шагающие по песку арены, были как две статуи, воплощение древних богов войны, каждый с идеально сбалансированной мускулатурой и угрожающим взглядом, что мог испепелить на месте. Они не спешили, с достоинством встречая крики толпы, их глаза уже искали друг друга, оценивая противника, с которым предстояло скоро сразиться.

Я, прижимаясь к холодным металлическим прутьям нашей клетки, ощущала, как сердце замерло в груди. В каждом их движении читалась смертельная угроза, в каждом взмахе руки — приговор.

Фигура одного из них заставила меня вжираться в него взглядом. Ощутить прилив крови во всем теле, а потом как она отхлынула от сердца, заставляя меня буквально задрожать всем телом.

Когда его взгляд скользнул по трибунам, останавливаясь

на момент, казалось, что время остановилось. Это был Вахид, его черты были такими знакомыми и в то же время такими изменившимися. Увидеть его здесь, на арене, среди криков и крови — это был настоящий удар. Моё сердце, казалось, замерло в груди, а затем начало биться с бешеной скоростью, отголоски стука доносились до самых кончиков моих пальцев. Меня начало колотить как в лихорадке. Я НАШЛА ЕГО! Вот он... На волоске от смерти. Больше не император. Больше не король горных волков. А гладиатор. Тот, кто развлекает толпу. Собственность Ашера.

Я подошла к решетке, дрожащими руками крепко схватившись за холодный металл. Глаза мои расширились, стараясь зафиксировать каждую деталь его лица, каждый жест. В его взгляде читалась адская злость и безжалостность, необходимые для выживания здесь, в этом мрачном месте. Видеть его таким, вооруженным и готовым к бою, было и ужасно, и завораживающе одновременно.

С каждым его движением, каждым поворотом тела, моё воображение рисовало самые страшные картины его предстоящих испытаний. Я не могла оторвать взгляд, мои руки все сильнее сжимали решетку клетки. Страх, что я могу потерять его вновь, на этот раз навсегда, заставлял моё сердце сжиматься от боли. Но вместе с этим страхом во мне зарождалась и неожиданная радость от того, что он здесь, что он всё ещё жив, что у меня еще есть шанс его увидеть, возможно, даже помочь. Мой Вахид. Мой мужчина. Мой пове-

литель. Он сумел остаться в живых. Больше ничего не имело значения.

Воздух вокруг насыщен был криками и возгласами зрителей, но для меня в тот момент весь мир сузился до этого одного человека на арене. Я почувствовала, как слезы наворачиваются на глаза, слезы — отчаяния, страха, надежды и безграничной любви к этому мужчине, который сражался не только за свою жизнь, но и, возможно, за наше общее будущее.

Как только последний звонкий сигнал разрезал воздух, противники не теряли ни секунды, бросаясь друг на друга с дикой жестокостью, которую можно было ожидать лишь от настоящих хищников. Вахид, мой Вахид, сразу же проявил своё мастерство, отточенное до совершенства. Его движения были резкими и точными, как удары меча, каждый его шаг и маневр наполнены смертоносной грацией. Его противник, столь же искусный и сильный, отвечал ему зеркально, превращая их схватку в танец смерти на глазах у восторженной толпы.

С каждым мгновением битва становилась всё более жестокой. Я старалась не закрывать глаза, несмотря на кровь, которая струилась по их телам, искривляя черты лица, столь дорогие мне в другом времени, в другой жизни. Они использовали не только свои физические силы, но и клыки, когти, весь арсенал своих мрачных способностей. Еще не волки, но уже и не люди.

Зал, наполненный криками и аплодисментами, вдруг показался мне ареной древних гладиаторов, где каждый бой мог оказаться последним. Жестокость и кровожадность зрителей только усиливали моё отчаяние. Я чувствовала, как моё сердце сжимается при каждом ударе, который приходился по Вахиду, и каждый его удар по противнику заставлял меня молить о том, чтобы он остался невредим.

Мне хотелось закричать, вырваться наружу и остановить эту бойню, но я была бессильна, прикованная к месту страхом и безнадежностью. Моё дыхание участилось, я с трудом находила воздух в этой душной атмосфере, наполненной запахом крови и пота.

Когда бой наращивал темп и каждый удар мог оказаться последним, в моей голове крутилась одна мысль: "Пожалуйста, выживи. Пожалуйста, Вахид, сделай это ради нас обоих". И каждый раз, когда он уклонялся или контратаковал, я чувствовала, как моё сердце вновь наполняется каплей надежды — надежды, что после всего этого у нас все еще будет шанс на общее будущее.

Когда напряжение достигло своего апогея, произошло нечто, чего я не ожидала, хотя, возможно, должна была предвидеть. Вахид и его соперник, вспыхнув пронзительным сиянием, мгновенно преобразились. Из мужчин они превратились в могучих волков —, каждый с мощной мускулатурой и свирепым взглядом. Это преображение внесло новую страсть в кровавую игру, заставив толпу взрываться гром-

кими овацями. Один волк рыжий с серыми подпалинами, а второй черный, страшный, с оскаленной пастью – МОЙ ВОЛК!

Оба волка, с шерстью, мерцающей под светом арены, с грозными клыками, сверкавшими на свету, бросились друг на друга с новой силой. Их тела сомкнулись в смертельной схватке, где каждый удар, каждое движение было наполнено дикой жестокостью. Они рычали и вцеплялись друг в друга, их клыки впивались в шерсть и кожу, рвали мясо. Звуки их борьбы — рычание, шипение и скрежет когтей о камни арены — были ужасающими.

Я стояла, прижатая к решетке клетки, не в силах отвести взгляд. Мой волк, Вахид, сражался с такой мощью и отчаянием, что это заставляло мое сердце биться в унисон с его каждым движением. Я чувствовала каждую его боль, каждый его промах, как свои собственные. Это было жестоко и потрясающе одновременно — видеть его таким сильным и таким уязвимым. Зрители вокруг не переставали кричать и аплодировать, восхищенные зрелищем перед ними. Каждый рывок, каждый укус Вахида воспринимался ими как еще один повод для восторга. Но для меня это было испытанием — видеть, как любимый борется не просто за победу, а за свою жизнь.

Когда битва продолжалась, и каждый из них становился все более измотанным, я почувствовала, как моя надежда на

его победу начинает меркнуть. "Пожалуйста, выдержи," — шептала я сквозь решетку, зная, что мои слова недостаточно сильны, чтобы достичь его, но моля о том, чтобы, несмотря ни на что, он остался жив.

В этот момент он резко обернулся, прошелся взглядом по нашим клеткам в недоумении и снова кинулся в бой.

Его мощные волчьи челюсти сомкнулись на шее противника, что-то мерзко хрустнуло, и тот, издав издалека слышимый громкий хрип боли, обмяк, опустившись на холодный песок арены. Зал взорвался громкими аплодисментами, и крики "Фатум! Фатум!" возвышались над шумом, отдаваясь в моих ушах как зловеющий ритм боевого барабана.

Вахид отступил, его дыхание было тяжелым и рваным. Он обернулся, его глаза встретились с моими на мгновение — это был взгляд полный боли, усталости и невысказанного вопроса. По коже пробежали мурашки... что-то насторожило, что-то заставило сердце ёкнуть, сжаться. Может быть он не хочет показать свою реакцию на меня именно здесь и держит себя в руках.

Зрители продолжали орать и хлопать, восхищенные его дикой силой и жестокостью, которую он проявил в бою. Но для меня это было гораздо больше, чем просто победа. Это было напоминание о том, как далеко он может зайти ради выживания в этом жестоком мире.

Тело его павшего противника лежало неподвижно, и когда

работники арены подошли, чтобы убрать его, кровь уже образовала темное пятно на песке. Вахид преобразился обратно в человеческую форму, его тело было изранено и окровавлено, каждая капля крови стекала и по моему сердцу.

Стоя у решетки своей клетки, я чувствовала, как слезы градом скатываются по моим щекам. Возможно, он победил в этом бою, но каждая его рана, каждый шрам на его теле были моими ранами. Мне было больно видеть его таким, больно осознавать, что каждая его победа приближает его к еще большей опасности, к еще более жестоким испытаниям.

Но мое сердце так же переполнилось не только страхом за его жизнь, но и гордостью за его непоколебимость и мужество. Он продолжал бороться. И я знала, что несмотря на все препятствия, я должна найти способ быть рядом с ним, поддержать его, помочь ему. На арене в этот момент столкнулись не просто два волка — столкнулись наши судьбы, и я была готова драться с этой судьбой за нас обоих, как бы тяжело это ни было.

Воздух в арене стал напряженным до предела, когда организаторы боя объявили следующий поединок. Вахид, едва успевший перевести дух после своего последнего сражения, снова встал лицом к лицу с опасностью. Его новым противником был вампир, чьи навыки и жестокость уже доказали свою смертоносность на этой арене.

Как только сигнал к началу поединка прозвучал, вампир,

с блеском хищника в глазах, ринулся к Вахиду. Но Вахид, несмотря на усталость, был готов. Он встретил натиск соперника ловким уклонением, используя свою выдающуюся скорость и инстинкты оборотня, чтобы парировать удары. Схватка быстро превратилась в игру на выживание, где каждый из них пытался превзойти другого не только силой, но и тактикой. Вахид метко использовал свою способность к обращению, меняя формы между человеческой и волчьей, что позволяло ему адаптироваться к изменяющейся динамике боя. Вампир, защищенный железными латами от клыков и когтей оборотня, со своей стороны, демонстрировал удивительную ловкость и жестокость, направляя свои удары на наиболее уязвимые места.

Я наблюдала за боем, затаив дыхание. Каждое движение Вахида вызывало у меня отзвук в душе, каждый его успех приносил облегчение, а каждый удар в его сторону – боль. Зрители вокруг были в восторге от увиденного, аплодируя и крича, они жадно поглощали каждый момент сражения.

Несмотря на то, что Вахид был явно измотан предыдущими боями, его решимость не оставляла его. Он продолжал бороться с вампиром, используя каждую возможность, чтобы нанести решающий удар. И в один прекрасный момент, используя мгновение неосторожности своего противника, Вахид совершил решающий рывок.

С быстрым и точным движением он оказался за спиной вампира и, используя свои волчьи клыки, впился в шею со-

перника. Вампир издал пронзительный крик, который быстро затих, когда его силы покинули его. С тяжелым вздохом облегчения и усталости Вахид оттолкнул безжизненное тело вампира от себя и поднял глаза на трибуны, где зрители уже взрывались новым восторгом и одобрением.

Этот момент победы был для меня как луч света в темноте, напоминание о том, что даже в самых отчаянных обстоятельствах есть надежда, и что Вахид, несмотря на все, остался собой – несокрушимым, непобедимым хищником.

Вахид, стоящий на коленях рядом с поверженным вампиром, поднял свой взгляд к трибунам, где разгоряченная толпа, взволнованная невероятной жестокостью и напряжением боя, жаждала окончательной развязки. Пальцы были подняты вверх. Я не знаю, что это означало...

Но Вахид, дыша тяжело, покрытый кровью и потом, взглянул на своего противника — истекающего кровью, но еще живого вампира. В его глазах отразилась не только усталость от битвы, но и глубокий внутренний конфликт. Вахид всегда был воином, но не бездушным убийцей. В тишине, которая на мгновение опустилась на арену, ожидая его решения.

- Хорошо, - произнес он громко, его голос разрезал напряженную атмосферу арены. - Жизнь этого воина теперь принадлежит вам, и я оставляю его в живых.

Эти слова вызвали смешанные реакции среди зрителей. Некоторые выкрикивали возражения, требуя продолжения кровавого зрелища, другие же, возможно, те, кто ценил ис-

тинное мастерство и честь в бою, аплодировали его решению.

Уходя с арены, Вахид огляделся на клетку, где я стояла. Наши взгляды встретились, и я увидела в его глазах не только бойца, но и человека, который старался остаться человеком даже в этом диком и жестоком мире. В его поступке я узнала того Вахида, которого полюбила — сильного не только физически, но и морально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.